

ЛОЛА НА ГРАНИ ФОЛА

Кто-то называет ее женщиной-вамп, кто-то - эксцентричной субреткой, а кто-то - русской Кармен.

Лолита - в ее имени слышны баталии страстей и дыхание ночи, роковой зов сирены и медные трубы успеха.

Вне звездного кабаре-дуэта ей предрекали прозябание и забвение: как же так, отказаться от такого выигрышного имиджа и репертуара.

Но она доказала, что спокойно может быть одна - в том числе на сцене. Выпустила

неплохой альбом «Цветочки», подготовила большую сольную программу «Шоу разведенной женщины».

Сейчас с большим успехом исполняет партию Мамы Мортон в нашумевшем мюзикле «Чикаго». Сегодня Лоли да МИЛЯВСКАЯ - гость редакции.

- Лола, скажите, зачем вам, популярной артистке, нужна эта самая роль второго плана в американском мюзикле?

- Прежде всего, это погрязающая школа, которой у нас никогда не было и быть не могло. Я всю жизнь мечтала играть в настоящем мюзикле, причем играть, соблюдая все каноны этого жанра, а не просто петь и танцевать, что называется, «как умею». Этот подход я сразу отринула. Узнав, что кастинг на роли в «Чикаго» вместе с Филиппом Киркоровым проводят американские режиссер и хореограф, работавшие когда-то с легендарными Бобом Фоссом и Лайзой Миннелли, я решила попробовать. К счастью, я понравилась и меня утвердили.

- Говорят, ваша кандидатура всплыла, когда от роли Мамы Мортон отказалась Алла Пугачева...

- Я не знаю этой истории. Может, Алла Борисовна и отказалась, а я считаю большой честью для себя участвовать в «Чикаго», причем в любом качестве. Да, с американцами работать непросто - у них жесткая дисциплина, они требуют беспрекословной четкости в работе. Но то, что получила я за эти несколько месяцев репетиций, не заменит никакой многолетний эстрадный опыт. У нас замечательный, дружный коллектив, очень талантливые актеры. А потом, вы понимаете, я должна была обязательно УСПЕТЬ поиграть в мюзикле.

(Продолжение на стр. 2)

ЛОЛА НА ГРАНИ ФОЛА

Потому как, чего скрывать, возраст поджимает - в ноябре мне исполнится уже 39. То есть ни на Велму, ни на Рокси - главных героинь «Чикаго» - я претендовать уже не могла. Осталась только Мама Мортон. Но это тоже прекрасная роль.

- Вас не смущает, что она - отрицательная?

- Совсе нет. Что делать, если таков сюжет? В мюзикле воспроизводятся нравы криминального Чикаго 20-х годов. В каком-то смысле они созвучны той ситуации, что сегодня сложилась в российском шоу-бизнесе. Да, Мама Мортон - содержательница тюрьмы, ее еще называют Госпожой Убийц, но при всем том она - важное государственное лицо. Вы говорите, что я играю ее без толики хабальства и показной бравады, а я думаю, что в Мама Мортон это совсем не главное. Хотя у каждого, безусловно, должно сложиться свое мнение и о Мама, и обо всех других персонажах «Чикаго».

- Вы выросли в артистической семье, стало быть, ваша судьба была predetermined заранее?

- Совсе нет, потому что в этой профессии я ничего загадочного не видела. Помню, мой горшок всегда стоял за кулисами, а мама никогда не разрешала мне брать микрофон в руки. Дело в том, что она его после выступления всегда оставляла за кулисами и публике кланялась уже без микрофона. Это был священный инструмент. Так вот, сижу я на горшке, и мама в который раз предупреждает меня, чтобы я не брала микрофон в руки, и, видимо, так это меня задело, что я тотчас встала со своего «ложа», легла на пол и, заложив руки за спину, прямо в микрофон затянула песню «Пусть всегда будет солнце!», плохо выговаривая слова. Это и был мой первый выход на сцену.

- Кстати, чем занимались ваши родители?

- Папа был прекрасным конферансье и дирижером джаз-бэнда, а мама там пела и танцевала. Прямо во время концерта родители часто обменивались репликами, шутили, смеялись, смотреть на них было очень трогательно. Кстати, эти диалоги и стали предтечей того, что делал потом кабаре-дуэт «Академия», - видимо, это осело у меня в подкорке. Помню, отец казался мне таким монстром, который всегда громко кричал на репетиции и, если во время очередного прогона раздавался малейший скрип, мог даже ударить музыканта. Это была очень жесткая система, так что аплодисменты как-то не грели. В 14 - 15 лет меня, например, куда больше привлекала работа парикмахера. Многие мои сверстники после восьмого класса пошли в ПТУ и другие специальные учебные заведения, приобрели профессии, позволяющие в материальном плане жить независимо от родителей и даже вести регулярную половую жизнь! В этом был кайф и определенная свобода, а я-то по-прежнему приходила домой в девять вечера, с первым аккордом программы «Время», и если этого не делала, то была наказана на всю следующую неделю.

- Что же должно было произойти, чтобы вы решили посвятить свою жизнь эстраде, лицейству?

- Да ничего! Скажу элементарно простую вещь: если ты на чем-то зациклен, это у тебя не получится. Я зациклена на личной жизни, поэтому ничего у меня здесь не выходит. Я никогда не думала о том, что непременно должна быть богата, знаменитая... У меня не то чтобы не было денег, просто я делала это с удовольствием. Может быть, это гены. У меня есть жесткий критерий - оценка за концерт, которую мы еще с Сашей (Цекало) - С.С. - привыкли себе ставить.

- Но ваша самооценка, наверное, очень субъективна!

- Может быть, но это самая верная оценка. Я, как никто, безжалостна к себе. Так, как я себя съедаю изнутри (видимо, потому еще, что Скорпион), никто себя не гложет. Я так привыкла. Может, потому у меня все так удачно и сложилось на сцене, что я никогда об этом не думала. Не думала и переезжать в Москву, хотя все вокруг меня только и твердили: в Москву, в Москву! Я ведь родилась в маленьком украинском городке Мукачево, потом наша семья жила во Львове и Киеве. Для меня Москва ассоциировалась лишь с фирменными магазинами «Ядран», «Лейпциг» и «Белград» да с несколькими театрами, где работают известные артисты. Я была и, в общем-то, есть абсолютный провинциал.

- А в Москве-то надо было уметь работать локтями!

- То-то и оно, а такая хватка мне чужда. Я хотела быть режиссером в маленьком городишке. Но поскольку мой папа в один воссе не прекрасный день оказался диссидентом, то я, как его дочь, не имела права поступать ни в один столичный вуз.

- Отец открыто высказывал критику в адрес партии и правительства?

- Что вы! За это тогда четвертовали бы! Как-то в концерте он прочитал сатирический монолог о грязных ялтинских пляжах. Местным властям это не понравилось, и они потребовали убрать скандальный номер из программы, на-

казав отцу впредь согласовывать свой репертуар с ними. На что папа заявил, что не собирается этого делать и будет исполнять всегда то, что считает нужным. С тех пор он и стал неугоден: с него сняли звание заслуженного, запретили работать и лишили очереди на трехкомнатную кооперативную квартиру в Ялте - это самое невероятное, чего можно было достичь при советской системе. Ялта тогда была самым престижным городом в плане гастролей, концертной деятельности. Помню, когда Эдита Пьеха приезжала туда на гастроли, мы с Илонкой Броневницкой играли в одной песочнице. В общем, нормальные цирковые дети.

- Где же дочери диссидента надлежало учиться?

- После долгих мятарств я подала документы в тамбовский филиал Московского института культуры, который затем и окончила. Мой педагог по режиссуре Анатолий Иванович Серков - это ленинградская школа. Я на всю жизнь запомнила его слова о том, что актер должен постоянно «наращивать скелет». То был, наверное, единственный институт в Союзе, где режиссура как профессия была вознесена на уровень высшего достижения человеческой мысли. Такого образования сегодня нигде уже не дают. Прежде всего, это была классная теплица. В институтском театре каждый год менялась конфигурация сцены (это делалось нашими руками), мы обслуживали чужие отрывки из спектаклей на музыку, делали всевозможные макеты и т. д. Поэтому мне всегда легко объяснить художнику-декоратору, чего я хочу. К примеру, когда я придумываю какой-либо сценический трюк, то рисую наглядную схему, как его воспроизвести. Нас выпустили специалистами широкого профиля. Потом была работа в воссе не тепличной Одесской филармонии, где мы и познакомились с Сашей Цекало. Идея приехать в Москву принадлежит именно ему.

- И началась эпопея кабаре-дуэта «Академия».

- Да, но! Творчески я стала признавать себя только с 8 марта 2001 года. В этот день у меня состоялся первый сольный концерт в Театре оперетты города Одессы. Когда я работала в дуэте, мно-

го, к сожалению, воспринимали меня только как легкомысленную старлетку, этакую клоунессу. Но сама к себе я всегда была строга. К тому же человек в жизни и его экранный образ, согласитесь, далеко не всегда совпадают.

- Тогда чем же продиктовано ваше внутреннее состояние певицы и актрисы, что определяет в ваших глазах значимость себя как творческой личности?

- Я много думала об этом и пришла к выводу, что все, что мы создали в «Академии», было лишь азами работы на эстраде - тот самый «скелет». В какой-то момент я поняла, что от меня не идет энергетика. Появились штампы, у некоторых это называется мастерство. А то, что я хотела отдать публике, годами оставалось во мне и не выплескивалось. Я накопила багаж, который начал расpirать меня изнутри. Стало ясно, что я должна выходить на сцену одна. Я начала быть осознанной и четко определила для себя, что хочу и что могу сказать слушателю. Он должен уйти после концерта в хорошем настроении и с желанием увидеть тебя еще раз. А я в свою очередь должна испытать что-то вроде катарсиса и почувствовать себя обновленной, светлой, с ощущением легкого выдоха и очень свежего вдоха.

- И все же, Лола, я не могу поверить в то, что вы только сейчас поняли, как надо петь, что делать на сцене и т. д. Ведь ваш дуэт с Цекало профессионально был выстроен очень грамотно: вы - сильная, остроумная, властная, он - маленький, затюканный, подчиняющийся. И от этой экцентрики в зал шла довольно сильная волна...

- Но (поднимает палец) другая волна! И шла она воссе не от вокала. Первый раз я услышала от зрителей, что от моего пения у них мурашки по коже, только после исполнения знаменитой ледяной песни из фильма «Шербурские зонтики». Тогда в моей жизни произошло сильное потрясение, которое разбудило меня, и я поняла, что во мне открылись какие-то чакры. Должна сказать, что в жизни я человек резких эмоциональных перепадов.

- Это отражается и на вашей работе?

- Нет, на работе - нет! Я стараюсь работать ровно, на хорошем крепком уровне, ниже которого я не имею права опускаться, иначе мне будет стыдно.

- Но если пение в «Академии» играло подчинительную роль, получается, это была цирковая работа по принципу коверных на арене?

- Нет, это узкое восприятие, навеянное телевизионными клипами. Для того мы и показывали большие концерты из зала «Россия», чтобы зрители увидели нас разными - грустными, смешными, наивными, пафосными, ядовитыми... Жизнь не бывает однобокой, а мы были именно людьми из жизни. Если сравнить с коверными, то мы были, наверное, глубокими коверными.

- Кстати, вам не жалко было Сашу, ведь вы постоянно забывали его своими репликами, жестами, интонацией - точно-то как раз были вы, а не он?

- Но так были выстроены наши сценические образы, и к личной жизни это не имело никакого отношения. Таковы были условия работы. Все эти репризы накануне концерта оговаривались, репетировались, и мы ни секунды не думали, что кто-то из нас может быть ущемлен, а кто-то нет.

- Может быть, столь специфические отношения на сцене и послужили толчком к вашему разрыву?

- Не знаю (задумалась). Сцена у всех накладывает отпечаток на личную жизнь. Когда люди работают вместе по 24 часа в сутки, у них наступает то, что называется в авиации «усталость металла» или в модельном бизнесе - «усталость от тел». Это когда манекенщики и манекенщицы, переодеваясь в одной гримерке, не испытывают никакого сексуального возбуждения друг от друга - ну, тело и тело. То же самое происходит у балетных танцоров, фигуристов. Это произошло и с нами. Наверное, это первое жертвоприношение сцене. Второе - то, что любой конфликт в замкнутом пространстве всегда выливается друг на друга. А в-третьих, я никогда не задумывалась над тем, кто из нас больше выражен, кто меньше. Мне казалось, что все идет классно и всех устраивает. Я до 35 лет была абсолютным ребенком в розовых очках, поэтому прозрение, поиск своего «скелета» достались мне слишком болезненно. Теперь я взрослая, все понимаю и, наверное, со всем смогла бы справиться, но теперь уже поздно и ничего не вернуть.

- Трудный опыт 12-летней совместной жизни с Сашей вы, наверное, стремитесь переосмыслить в своем новом репертуаре...

- Отчасти, конечно, да. Но есть и тот опыт, который остается из повседневной жизни, а мы его как будто не замечаем. И это тоже багаж, «скелет», который на каком-то этапе начинает работать. Марксизм-ленинизм сделал потрясающее открытие: «Коммунизм может быть только тот человек, который обогатил себя знанием всех тех богатств, которое выработало человечество».

- Тонко подмечено!

- Эту фразу я заучила тогда, как «попка - дурак», и только сейчас поняла, что она гениальная. У меня наступил момент, когда я обрела знание всех этих богатств: счастья-несчастья, удач-неудач, слез, улыбок, поседевших волос, выпавшего зуба, народных волос, нежелания стареть... И когда все это, банальное и житейское, приходит в единое понимание, ты становишься ЖЕНЩИНОЙ. Наступает страшная вещь, которая называется мудростью.

- И эту мудрость вы отныне несете на сцену?

- Скажу коротко: чем больше тебя в жизни били по башке, тем легче тебе работать на сцене. Чем больше шрамов, тем легче петь. Я убеждена: певицами становятся после тридцати. До тридцати ты еще ищешь свой голос, образ, свою манеру пения и привлекаешь скорее молодостью, красотой, сексапильностью, может быть. А чего-то главного не происходит, харизмы нет. И наступает момент, ког-

да ты чувствуешь - ага, пошло, пошло и почти физически ощущаешь этот столб энергетики. Тогда артист действует на зрителя, как удав на кролика. В этот момент ты можешь делать с ним все, что угодно, и он это примет.

- Как вы открыли в себе эту способность?

- Мы с Сашей очень много работали на стадионах. Я всегда считала себя нестационарной певицей. И вот когда осталась одна, решила попробовать себя на большой аудитории - сначала 5 - 6 тысяч человек, потом - 60 тысяч. И вдруг однажды, стоя на сцене, поняла, что могу говорить шепотом и зал услышит не только каждое мое слово, но и каждый вздох. Мертвая тишина! Тут мне открылась страшная вещь: моя энергетика - очень сильное оружие. И я подумала: как же должен чувствовать себя тот находящийся рядом единственный человек, на которого этот неуправляемый столб постоянно обрушивается!

- Но разве мастерство артиста не включает в себя умение управлять своей энергией в зависимости от поставленной творческой задачи?

- Да, конечно. Но этому нас никто не учит. Более того, это должен уметь каждый человек в обычной, повседневной жизни. Это нужно и домработнице, и артисту, и врачу, и журналисту, и кому хотите.

- Но никакую истину нельзя внушить насильно, до нее надо дойти самому...

- Да, но чем раньше эта истина будет, грубо говоря, вбита в башку, тем ближе до нее идти. Если бы мне все, что касается энергетики, ее управления, каких-то чисто психологических вещей, сказали хотя бы десять лет назад, я через пять лет не надела бы тех ошибок, которые довели меня в итоге до психиатрической клиники. У меня была жуткая депрессия.

- Но у вас есть и чудесная панacea - сцена. Может быть, депрессию надо сублимировать в творчество: написать новые песни, придумать соответствующий своему состоянию образ, как это время от времени делает Пугачева...

- Да, Алла Борисовна в этом смысле хрестоматийный пример. В принципе я так же живу, да что скрывать, все мы, певцы, учились у нее. Но наступает момент, когда ты должен отойти от своего любимого учителя и искать свой путь. Это очень сложно. Я заметила интересную вещь: в депрессивном состоянии лучше петь песни о неразделенной любви, потому как веселые песни не пишются вообще - с тобой мучаются все звукорежиссеры, и ты уходишь из студии, не записав ни единого звука. Секрет прост: для радостных песен нужна молодая кровь.

- Где же ее взять?

- Мой совет: оглянитесь вокруг, пообщайтесь с близкими людьми, познакомьтесь с новыми, займитесь любимым делом, повампирьте, пофлиртуйте - словом, получите удовольствие. А утром проснитесь молодым и счастливым!

Беседу вел Сергей СОСЕДОВ

